

ОВЧИННИКОВ Олег Владимирович, доктор социологических наук, профессор кафедры менеджмента Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор более 200 научных публикаций*

ДЕМЕНЕВ Алексей Григорьевич, кандидат философских наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой философии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 40 научных публикаций**

ФИЛОСОФИЯ НАСИЛИЯ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОЦИАЛЬНОГО И БИОЛОГИЧЕСКОГО

Поведение человека объясняется результатом взаимодействия его природных и культурных граней. Под природным понимается набор генетических программ, полученных человеком в ходе эволюции, приведших к его выделению из мира животных и переходу на осознанный уровень поведения со способностью моделировать свое место в мире, оценивать прошлое и прогнозировать будущее. Природные программы во всем животном мире и в человеке подталкивают особь к самосохранению, но они же совершенствуются в сохранении популяций, а не отдельных особей. Это является биологической основой альтруистического поведения. На биологическую основу с течением времени в ходе социализации накладывается культурная программа, прежде всего мораль, сформулированная в начале в религиозных системах, затем в философии, искусстве, литературе и т. д. Это выступает как социогеном. Человек из объекта в пищевых цепочках становится субъектом, ценностью для себя и других. В статье рассмотрена концепция К. Маркса о насилии как «повивальной бабке истории». История XX – начала XXI века показала практическое испытание данной концепции, а также либеральной модели насилия при построении общества потребления. Авторы отмечают, что жесткая борьба светлого и темного, человека и античеловека осуществляется в разных формах насилия. В работе дана оценка соотношения социальных и биологических факторов насилия в современных исследованиях.

Ключевые слова: философия насилия, асоциальное поведение, наследственность, биологическая основа насилия.

Феномен насилия сопровождает всю историю человеческого общества. Причины насилия в его различных формах, нравственная оценка, способы противодействия изучаются и социаль-

но-гуманитарными науками, и естественными. Актуальность этих исследований только возрастает, что обусловлено изменением характера и масштабов насилия в современном мире.

*Адрес: 163000, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 54, корп. 1; e-mail: o.ovchinnikov@narfu.ru

**Адрес: 163002, г. Архангельск, ул. Смольный Буян, д. 1; e-mail: a.demenov@narfu.ru

Для цитирования: Овчинников О.В., Деменев А.Г. Философия насилия: взаимодействие социального и биологического // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2019. № 1. С. 128–135. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.1.128

Целью данной работы является философский анализ взаимодействия социальных и биологических факторов, провоцирующих насилие. Объект – насилие как феномен межчеловеческих отношений. Животные постоянно применяют силу по отношению друг к другу, но только человек способен задуматься о правомерности насилия, применяя для его оценки понятия «добро», «зло», «справедливость». В русском языке насилие определено как применение силы, но такое, которое сопряжено с несправедливостью, злом. В романских языках аналог этого понятия – слово *violenta* («нарушение», «попрание»).

В современных исследованиях выделяют следующие контексты, определяющие понятие насилия:

- философский – насилие создается определенным мировоззрением и существует благодаря ему;
- социологический – насилие возникает с разрушением социальности как взаимной ответственности и действий с учетом мнения (воли) других;
- политологический – насилие есть нарушение порядка и покушение на власть, его охраняющую;
- культурологический – насилие связано с уникальностью и неповторимостью бытия (вещей, идей) [1, с. 151].

Однако при всей значимости выдвинутых критериев насилия, их конфигурация ограничивает пространство поисков степени явленности этих характеристик и форм осуществления: спонтанное, организованное и т. д. Видимо, поэтому в современных словарях по философии, общей и социальной психологии не оперируют понятием «насилие», а в английской социологии ограничились ничего не значащим определением насилия как «причинения физического ущерба с помощью силы и оружия»¹. Современные авторы в качестве рабочей гипотезы сгруппировали представления о насилии в 10 форм, и первой из них является насилие как неотъемлемый

атрибут жизнедеятельности *Homo sapiens*, носящий целенаправленный, избирательный характер. Далее следуют вооруженное насилие как модус человеческого бытия (войны, революции), криминальное насилие, а заканчивается классификация формой, которая рождается у матери в момент идентификации с ребенком в период беременности, – конфликтом между «ценностным» и «гедонистическим» миром [2].

И здесь напрашивается первый вывод: какие бы определения, классификации насилия мы ни давали, несмотря на признание естественности и неизбежности этого феномена, насилие подрывает основы социальной коммуникации, оказывается выходом за пределы нормы.

Социально-философские и социологические теории, обуславливающие поведение человека в большей степени факторами социальной среды, корни большинства форм насилия также ищут в социально-экономических, политических отношениях, в особенностях функционирования социальных институтов. Насилие с этой точки зрения порождается или провоцируется несправедливыми социальными отношениями, из-за которых человек не имеет возможности удовлетворить даже базовые физиологические потребности. Так, по мнению сторонников указанного подхода, если решить проблему голода, то «исчезло бы из человеческого общества, по крайней мере, девять десятых всего дурного: число преступлений уменьшилось бы в десять раз, грубые нравы и понятия в течение одного поколения заменились бы человеческими» [3, с. 257].

В XIX веке в европейскую жизнь насилие вошло через самоутверждение человека, быстро возрастающий индивидуализм, встречающий сопротивление в социуме – со стороны власти, в культуре – со стороны христианской морали. Ч. Дарвин, К. Маркс, Ф. Ницше ввели понятия «естественный отбор», «классовая борьба», «воля к власти», «сверхчеловек». Они показали не только укорененность насилия в природе человека, но и открыли его созидательную роль в развитии общества. М. Вебер, Н. Луман,

¹Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь: пер. с англ. М., 2001. 454 с.

Э. Тоффлер, Э. Дюркгейм анализировали формы насилия со стороны власти. З. Фрейд исследовал феномен насилия в реализации инстинктов, комплексов («эдипов комплекс», «танатос»). Психологическим основанием для структурирования насилия служила типология личности К. Юнга. Его 8 психотипов и соответствующие формы насилия представлены в широком культурном контексте. Произошли онтологизация и антропологизация насилия как неперемного атрибута общества, деформация культурно-антропологических матриц, сформированных на базе христианских ценностей.

Реализация в России положений Маркса о том, что насилие – это «повивальная бабка всякого старого общества, когда оно беременно новым», Ленина – о диктатуре пролетариата как ничем, никакими законами, никакими правилами не стесненной, опирающейся на насилие террористической власти, Сталина – об усилении сопротивления эксплуататорских классов по мере приближения к победе социализма² привела к созданию ГУЛАГа – невиданного ранее государства в государстве. Однако парадокс в том, что распад СССР и реализация неолиберальных ценностей привели к насилию не меньшего масштаба в новообразованных странах. Подобные процессы можно наблюдать и в других политических системах, в т. ч. относящих себя к демократическим и либеральным. «За 500-летнюю историю капиталистической мир-экономики (КМЭ), только 10–20 % мирового населения (жители ядра) значительно увеличили свои доходы и повысили уровень жизни. Уровень доходов остальных 80–90 % снизился, а качество жизни ухудшилось по сравнению с тем, что было в этих зонах до 1500 г.» [4, с. 32].

Обобщающий показатель неравенства в трудовых доходах (коэффициент Джини) при норме 0,19 в США в 2010 году составлял 0,36; в 2030 году прогнозируется 0,46 [5]. И как следствие – насилие пронизывает все сферы жизни общества: экономическую, политическую, социальную, духовную, все слои и классы, ибо «каждый факт,

каким бы интимным он ни был, стал товаром в мире, где реальное и виртуальное сливаются воедино <...> Изнанка капитализма – лицо хищника, извлекающего прибыль из людей или природы и мало что или вовсе ничего не дающего взамен <...> Не случайно, что ведущие капиталистические державы всегда были ведущими военными державами, с готовностью использовавшими силу для открытия новых рынков <...> факт хищничества при капитализме не изменился и объясняет его сомнительную легитимность» [6, с. 14, 18].

После двух опустошительных мировых войн локальные военные конфликты второй половины XX – начала XXI века начинают восприниматься привычной реальностью. Тем не менее социальные институты сопротивляются росту военных преступлений. В 2018 году Нобелевская премия присуждена врачу Д. Мукwege и правозащитнице Н. Мурад как борцам против использования сексуального насилия в качестве оружия войны.

Сама культура становится фактором организованного насилия в форме борьбы идеологий как средства узаконивания насилия. Но одновременно творческое начало культуры способствует преобразованию насилия, его индивидуализации, психологизации, диверсификации. В пространстве массовой культуры оправдание насилия все более преобладает над его сублимацией. Культура все больше включает в себя насилие как новое средство самовыражения, придавая ему духовно-этические и эстетические формы. В современном информационном обществе масскультура как отчужденная форма популярной культуры стала главным воспитателем молодежи, особенно подростков. Положительный образ тех или иных форм насилия создается кинематографом, текстами популярных музыкальных исполнителей. Наиболее высокий уровень агрессии в пространстве Интернета.

Возникает вопрос: почему мораль, религия, государство, право не могут эффективно противодействовать росту насилия? Ответ

²Философская энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. Ф.В. Константинов. М., 1964. Т. 3. С. 551–554.

заключается в том, что идет стремительное расхождение скорости развития природных и культурных граней человека (К. Лоренц, К. Хукер, К. Хахлвег и др.). XX век по масштабам насилия и жестокости превзошел все предшествующие века. Это нанесло удар по вере в нравственный прогресс и породило пессимистические интерпретации природы человека и сущности человеческой истории. В футурологической литературе и массовой культуре стал популярен жанр антиутопии, в котором прогнозируются апокалиптические сценарии будущего, вызванного ростом насилия. В то же время трибуналы по военным преступлениям, совершенствование международного права, нравственное неприятие конкретных форм насилия, защита прав и свобод человека, постепенный отказ от смертной казни говорят о том, что общество пытается противостоять нравственной и юридической легитимации насилия.

Социальность человека требует поиска гармоничных форм сосуществования, проявляясь в регулирующих функциях обычаев и традиций, морали и религии, фиксируясь в праве. Первыми шагами к формированию морали стало введение табу и принципа талиона, направленных на снижение внутривидовой и межвидовой агрессии. Следующим шагом было создание в древних цивилизациях Китая, Индии, Греции «золотого правила» нравственности, выводящего насилие за рамки нормы. Неприятие насилия даже в форме противостояния злу выступает ядром христианской этики, изложенной в нагорной проповеди в Евангелиях. По крайней мере, так ее трактовал Л. Толстой, для которого идея непротравления и ненасилия стала стержнем собственного религиозно-философского учения. И, несмотря на то, что проповедь ненасилия Толстого не была поддержана большинством русских философов, его идеи в истории XX века имели знаменитых последователей. Ненасильственные методы борьбы в свое время показали нравственную чистоту убеждений М.Л. Кинга, М. Ганди и, возможно, сыграли решающую роль в успехе их начинаний.

Как рационально объяснить нерационально устроенный мир, в котором насилие является

привычным и получает оправдание? Обратимся к естественным наукам, где расшифровка генома человека, успехи нейробиологии и нейрофизиологии стали очередным шагом к познанию тайны человека, его психики и поведения. Сложнейшее взаимодействие генетических программ в структурах мозга, влияние социальной среды и случайных событий личного опыта формируют то, что мы называем личностью, нашим «Я». Учесть все эти факторы, соотнести их влияние, смоделировать поведение человека, особенно его сложные формы, не представляется возможным. Нейробиолог, профессор Гарварда и Кембриджа Б. Гуд пишет: «Развернуть и полностью расшифровать сложный узор человеческого развития – устрашающая задача, и маловероятно, что ученые когда-либо смогут сделать это хотя бы для одного человека, поскольку взаимодействие биологии и среды не точно определенный, а вероятностный процесс. Попросту говоря, расклад может быть слишком уж разным. Случайные события в период развития могут изменить результат развития непредсказуемым образом» [7, с. 132].

Натуралистический подход к обоснованию морали реализуется в поиске биологических предпосылок нравственного поведения. Задолго до возникновения генетики философами и моралистами высказывались идеи, что нравственное чувство, как и эгоистическая агрессия, заложено в человеческой природе. Странники эволюционной этики пытались доказать, что моральность, ненасилие, готовность к самопожертвованию закрепляются в эволюции как формы поведения, подвергающие опасности особь, но способствующие выживанию популяции и вида. Но парадокс в том, что даже альтруистическое поведение может проявляться в насильственных формах: парохильный альтруизм предполагает самопожертвование ради «своих» и насилие по отношению к «чужим».

Все-таки следует отличать инстинктивные формы активности животных или человека от свободного и осознанного человеческого поведения. В нравственной философии насилие как осознанно мотивированный выбор человека

отличают от природной агрессивности, свойственной как животным, так и человеку. Оно отличается именно попыткой нравственной легитимации, апелляцией к праву, справедливости.

Гены могут создавать предрасположенность к асоциальным формам поведения, но реализуется ли оно, а также какими будут формы реализации – зависит от множества внешних факторов. Поэтому правильно говорить не о наследственной предрасположенности к насилию, а о генетической уязвимости по отношению к неблагоприятным внешним воздействиям, провоцирующим вспышки насилия. Здесь уместна метафора К.Х. Уоддингтона о том, что генотип – это шарик, катящийся по «каналам» жизни (среда, случайные факторы). А «одомашнивание» гена происходит в культуре.

В советской науке сохранялась устойчивая традиция интерпретации человека как существа социального, осуждался биологизаторский подход к пониманию человека и общества. Причины склонности к насилию было принято искать исключительно в факторах социальной среды и событиях индивидуального опыта. Гипотеза о существовании некоего «гена преступности» априорно объявлялась ненаучной. Но накопленный, прежде всего в зарубежных исследованиях, эмпирический материал раскрывает гораздо более сложную картину. Почему растущие в примерно одинаковых условиях дети проявляют столь разную склонность к агрессии? Как объяснить удовольствие индивидов, проявляющих рецидивы патологической жестокости? Всегда ли эти факты можно объяснить травмирующими воспоминаниями, негативным опытом?

Данные наблюдений и экспериментов продолжают поступать, но ясности по-прежнему нет. Основная часть научного сообщества отказывается признавать жесткую детерминацию насильственного поведения наследственностью индивида. Обуславливающее влияние констатируют многие, но указывают на решающее значение индивидуального опыта.

Повышенное внимание привлекают исследования роли генов, определяющих активность

фермента моноаминоксидазы (МАО-А), в формировании склонности к асоциальному поведению. Признавая это влияние, специалисты тем не менее констатируют определяющую роль индивидуального опыта. Речь идет не о генетической предопределенности насилия, а о большей уязвимости носителя по отношению к травмирующим факторам и, как следствие, большей вероятности проявления насильственного поведения. Результаты этих исследований даже стали влиять на судебную практику, приводя к смягчению приговоров подсудимым – носителям той формы гена, которая обеспечивает более высокую активность фермента МАО-А [8].

Ученые отмечают, что на них оказывает давление общественное мнение, склонное искать причины резонансных преступлений в наследственности преступников, недооценивая факторы социальной среды. В зарубежных работах о влиянии генов на склонность к насилию проявилось действие двух факторов, препятствующих исследованиям: 1) скепсис самих ученых по поводу того, что гены могут детерминировать сложные формы поведения; 2) обеспокоенность общества по поводу того, что выявление генетической склонности к насилию может стать основой для дискриминации носителей таких генов. Человек может ограничиваться в правах за правонарушения, которых он не совершал, но которые только прогнозируются исследователями. А какова точность таких прогнозов? Можно ли человека обвинять в том, чего он еще не совершал и, возможно, не совершит? [9].

Эмпирические данные собираются как методом наблюдения за поведением, так и при помощи лабораторных экспериментов. Выделяются гены-кандидаты, предположительно располагающие к насилию. Выявляется реакция их носителя на те или иные факторы среды. Проблема соотношения роли генов и факторов среды остается в фокусе внимания (G – E, гены – среда) [10].

Как работает геном в природе, в форме знаменитой притчи о лягушке и скорпионе иллюстрирует Б. Гуд: «...лягушка пообещала скорпиону, что переправит его на другой берег, если он пообещает, что не укусит ее. Он пообещал,

но не сдержался и укусил ее на переправе. “За-чем ты это сделал? Теперь мы оба погибнем!” – воскликнула лягушка, уже погружаясь в воду под действием яда. На что скорпион ответил: “Ничего не могу с собой поделать. Такова моя природа”. Историю о скорпионе и лягушке люди пересказывают друг другу уже не одну тысячу лет. Это сказка о желаниях и порывах, управляющих нашим поведением часто вопреки нашим же интересам. Нам нравится думать, что мы сами решаем, что нам делать, но на самом деле биология зачастую вмешивается в процесс и не позволяет выбрать наиболее рациональный путь» [7, с. 186].

Выводы о генетической предрасположенности к насилию вызывают не только опасение возможной дискриминации людей, чья генетическая программа может оказаться небезупречна. Эти выводы подталкивают к разработке методов редактирования генов с целью убрать из них программы насилия, жадности, страха, эгоизма, генетические заболевания. Но неполнота знаний и неопределенность

результатов порождают опасность таких манипуляций.

Насилие представляется феноменом, сопровождающим всю историю человечества. С нравственной точки зрения насилие есть форма зла, требующего, во-первых, осуждения, во-вторых, объяснения и, в-третьих, противодействия. Объяснение причин насилия ведет исследователей к выявлению роли биологических и социальных факторов. Открытия в области генетики, молекулярной биологии, нейробиологии приподнимают завесу тайны над мотивами человеческого поведения. Эти открытия доказывают безусловное влияние биологической организации человека на его поведение. Но успехи таких исследований не должны вводить в заблуждение: генетическое в человеке есть только предпосылка действительного поведения. Реализация такой предпосылки зависит от множества факторов среды и индивидуального опыта. Дальнейшее накопление наблюдательных и экспериментальных данных может прояснить соотношение генетических предпосылок насилия и влияния среды.

Список литературы

1. Мальцева А.П. Насилие как феномен и как понятие // *Человек*. 2013. № 3. С. 147–151.
2. Радионова М. Причины отказа от материнства // *Человек*. 1996. № 5. С. 113–132.
3. Чернышевский Н.Г. Антропологический принцип в философии // *Чернышевский Н.Г. Собр. соч.: в 5 т.* М., 1974. Т. 4. С. 200–296.
4. Фурсов А.И. Капитализм сквозь призму мир-системного анализа (о работах Иммануила Валлерстайна и мир-системном анализе // *Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация.* М.: Т-во науч. изд. КМК, 2008. 176 с.
5. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М., 2016. 247 с.
6. Молган Д. Саранча и пчела. Хищники и творцы в капитализме будущего. М., 2014. 400 с.
7. Гуд Б. Мозг прирученный. Что делает нас людьми. М., 2015.
8. Baum M.L. The Monoamine Oxidase A (MAOA) Genetic Predisposition to Impulsive Violence: Is It Relevant to Criminal Trials? // *Neuroethics*. 2013. Vol. 6, № 2. P. 287–306.
9. Wasserman D. Ethical and Policy Issues in Genetic Prediction of Violence: Implications for Clinicians // *Curr. Genet. Med. Rep.* 2014. Vol. 2, № 4. P. 216–222.
10. Laucht M., Brandeis D., Zohsel K. Gene–Environment Interactions in the Etiology of Human Violence // *Neuroscience of Aggression* / ed. by K.A. Miczek, A. Meyer-Lindenberg. Heidelberg: Springer, 2014. Vol. 17. P. 267–295.

References

1. Mal'tseva A.P. Nasilie kak fenomen i kak ponyatie [The Idea of Violence and the Phenomenon of Violence]. *Chelovek*, 2013, no. 3, pp. 147–151.
2. Radionova M. Prichiny otkaza ot materinstva [Reasons for Rejecting Motherhood]. *Chelovek*, 1996, no. 5, pp. 113–132.
3. Chernyshevskiy N.G. Antropologicheskii printsip v filosofii [Anthropological Principle in Philosophy]. Chernyshevskiy N.G. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Moscow, 1974. Vol. 4, pp. 200–296.
4. Fursov A.I. Kapitalizm skvoz' prizmu mir-sistemnogo analiza (o rabotakh Immanuila Vallerstayna i mir-sistemnom analize [Capitalism Through the Prism of World-Systems Analysis (on the Works of Immanuel Wallerstein and World-Systems Analysis)]. Wallerstein I. *Istoricheskiy kapitalizm. Kapitalisticheskaya tsivilizatsiya* [Historical Capitalism. Capitalist Civilization]. Moscow, 2008. 176 p.
5. Piketty T. *Le Capital au XXIe siècle*. Paris, 2013. 969 p. (Russ. ed.: Piketti T. *Kapital v XXI veke*. Moscow, 2016. 247 p.).
6. Mulgan G. *The Locust and the Bee: Predators and Creators in Capitalism's Future*. Princeton, 2013. 335 p. (Russ. ed.: Malgan D. *Sarancha i pchela. Khishchniki i tvortsy v kapitalizme budushchego*. Moscow, 2014. 400 p.).
7. Hood B. *The Domesticated Brain*. London, 2014. 335 p. (Russ. ed.: Gud B. *Mozg priruchennyi. Chto delaet nas lyud'mi*. Moscow, 2015).
8. Baum M.L. The Monoamine Oxidase A (MAOA) Genetic Predisposition to Impulsive Violence: Is It Relevant to Criminal Trials? *Neuroethics*, 2013, vol. 6, no. 2, pp. 287–306.
9. Wasserman D. Ethical and Policy Issues in Genetic Prediction of Violence: Implications for Clinicians. *Curr. Genet. Med. Rep.*, 2014, vol. 2, no. 4, pp. 216–222.
10. Laucht M., Brandeis D., Zohsel K. Gene–Environment Interactions in the Etiology of Human Violence. Miczek K.A., Meyer-Lindenberg A. (eds.). *Neuroscience of Aggression*. Heidelberg, 2014. Vol. 17, pp. 267–295.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.1.128

Oleg V. Ovchinnikov

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
nab. Severnoy Dviny 54, korp. 1, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation;
e-mail: o.ovchinnikov@narfu.ru

Aleksey G. Demenev

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
ul. Smol'nyy Buyan 1, 163002, Arkhangelsk, Russian Federation;
e-mail: a.demenev@narfu.ru

THE PHILOSOPHY OF VIOLENCE: INTERACTION BETWEEN THE SOCIAL AND THE BIOLOGICAL

Human behaviour is described as a result of the interaction between the natural and cultural aspects of man. The natural includes a set of genetic programmes developed in the course of human evolution and leading to man's separation from the animal world and transition to the conscious level

For citation: Ovchinnikov O.V., Demenev A.G. The Philosophy of Violence: Interaction Between the Social and the Biological. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2019, no. 1, pp. 128–135. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.1.128

of behaviour, where one is able to model his/her place in the world, evaluate the past and predict the future. In the course of socialization, cultural programmes are layered upon the natural ones. This acts as a sociogenome. Natural programmes, both in the animal world and in man, give the individual a spur for self-preservation, but it is also they that are improved while preserving populations, not individuals. This is the biological basis of altruistic behaviour. Over time, the cultural programme forms layers on the biological basis. Initially, it is the morals formulated first in religious systems, then in philosophy, art, literature, and so on. Thus, a food chain object becomes a subject valued by himself and others. This article dwells on Karl Marx's concept of violence as the "midwife of history". The history of the 20th and early 21st centuries put this concept, as well as the liberal model of violence in creating a consumer society, to a test. The authors point out that the fierce struggle between light and darkness, man and anti-man involves various forms of violence. In addition, the paper assesses the correlation between the social and the biological factors of violence in contemporary studies.

Keyword: *philosophy of violence, antisocial behaviour, heredity, biological basis of violence.*

Поступила: 28.03.2018

Принята: 01.11.2018

Received: 28 March 2018

Accepted: 1 November 2018